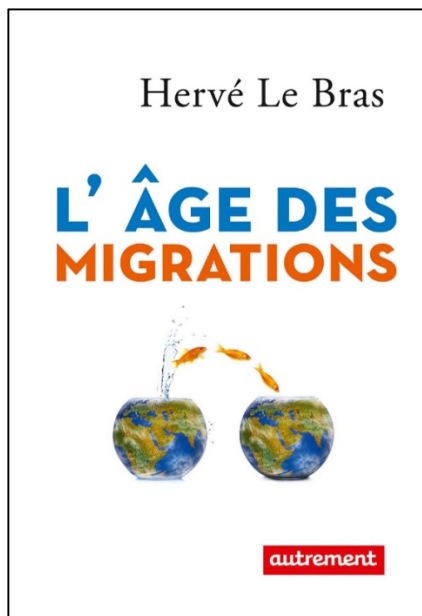

УДК 314

DOI: 10.17223/2312461X/21/14

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ XXI в.: НОВЫЕ РЕАЛИИ И СТАРЫЕ КЛИШЕ*

Le Bras Hervé. *L'âge des migrations*. Paris: éditions Autrement, 2017. 151 p.
ISBN 978-2-7467-4463-9

Трансграничные миграции в начале нынешнего века – едва ли не самая популярная тема как общественно-политического, так и научного дискурса. Этот феномен вызывает страхи и опасения, становится предметом острых дебатов и межгосударственных конфликтов, причиной внутривнутриполитических кризисов, служит предлогом для ужесточения законов и возведения заграждений на границах. Между тем, утверждает авторитетный французский демограф Эрве Ле Брас, несмотря на пристальное внимание научного сообщества к миграционным процессам¹, наши представления о современных миграциях, их причинах и последствиях весьма далеки от реальности. Общественное мнение, политики, журналисты продолжают видеть в мигрантах массу бедных, необразованных людей, пределом мечтания которых является социальное пособие – образ, сложившийся в 1960–1970-е гг. Между тем, возражает ав-

---

* Рецензия подготовлена в рамках проекта РНФ № 15-18-00099.

тор, сегодня все большую часть в миграционных потоках, направляющихся в Европу и страны Нового света с глобального Юга, составляют образованные выходцы из среднего класса и мелкой буржуазии: их доля уже достигает двух третей вновь прибывающих мигрантов во Франции и 90% – в Канаде и Австралии.

Э. Ле Брас поставил перед собой задачу развенчания наиболее устойчивых мифов и стереотипов, связанных с трансграничными миграциями, а также выявления новых тенденций в миграционных процессах, которые пока не стали предметом глубокого осмысления. Делается это с помощью анализа адекватности данным французской и интернациональной миграционной статистики того языка, который используется для анализа цифр и вольно или невольно определенным образом деформирует их. Одним из излюбленных исследовательских методов Э. Ле Браса, математика по первому образованию, является графическое представление данных. Рецензируемая книга содержит более 30 карт, графиков и диаграмм, что не только делает изложение более наглядным, но и позволяет выявить глубинные социальные тенденции в изменении миграционных процессов.

Опираясь на данные исторической демографии, Э. Ле Брас демонстрирует радикальную трансформацию трансграничных миграционных потоков на протяжении последнего столетия. В конце XIX – начале XX в. мигранты прибывали в абсолютном большинстве из соседних стран и расселялись компактно в приграничных районах². Сегодня эта территориальная логика сменилась на противоположную: разнообразие стран происхождения мигрантов растет, дальность перемещений увеличивается, а вновь прибывшие больше не селятся компактно у границ и даже не концентрируются, как это было еще недавно, исключительно в крупных городах, но распространяются более равномерно. Если в прежние времена доля выходцев из одной страны в общем миграционном потоке могла достигать до 40%, то сегодня, например, в Дании на долю самой многочисленной национальной группы мигрантов (поляков) приходится лишь 7%, а вклад четырех соседних государств составляет только 16% (р. 15–16). Все это создает характерное для нынешнего времени «сверхмногообразие» (см.: Vertovec 2007).

Еще одно историческое сравнение подчеркивает принципиальную разницу между миграциями на длинные дистанции завоевателей-кочевников далекого прошлого, обладавших способностью быстро собирать хорошо организованные вооруженные мобильные отряды и захватывать территории, населенные превосходящими их по численности оседлыми земледельцами, и нынешними неорганизованными, спонтанными миграциями невооруженных людей. Скорее, с миграциями древности, считает автор, можно сравнить колониальную экспансию европейцев, чье неоспоримое военное превосходство позволило им завое-

вать большие пространства, истребив, оттеснив или подчинив в разы превосходящее их по численности местное население. Не следует забывать о том, что арсеналы новейшего мощного и высокоточного оружия сегодня сосредоточены на «Севере», а это говорит в пользу необоснованности использования применительно к современным миграциям с «Юга» таких алармистских терминов, как «вторжение», «нашествие варваров», «захватчики» и т.п. (р. 26).

В то же время сам по себе конфликт между кочевниками и оседлыми земледельцами по-прежнему играет большую роль в международных миграциях, хотя и опосредованно, замечает Э. Ле Брас: именно он лежит в основе самых жестоких противостояний на африканском континенте, порождающих потоки беженцев, в том числе в Европу. И этот конфликт, по мнению ученого, недооценен аналитиками, чаще склонными искать корень зла в религиозной сфере (р. 28–29).

Наряду с историческими сравнениями автор предпринимает и географические, демонстрируя, что хотя трансграничные миграции являются неотъемлемой составляющей процесса глобализации и участвует в этом процессе все население Земли, в разных частях света они подчиняются разным логикам.

Первая из них, *постколониальная*, по-прежнему ощущается полвека спустя после краха колониальной системы: выходцы из бывших колоний составляют не менее 40% в миграционных потоках, направленных в соответствующие метрополии. Это объясняется как языковыми компетенциями, так и похожестью административной системы, системы образования, некоторых бытовых привычек, унаследованных от колониального прошлого. Однако эта тенденция постепенно размывается: один из показательных примеров – стремление мигрантов из стран Магриба и Сахеля перебраться через территорию Франции на Британские острова. На смену приходит зарождающийся новый – *культурный* – *колониализм*, проявления которого Э. Ле Брас видит в быстрорастущей, хотя пока и не слишком многочисленной, студенческой миграции. Последняя рассматривается им как составляющая «мягкой силы», учитывая важность студенческих лет для формирования идеологических и культурных установок молодых людей. «Вместо того чтобы отправлять войска, администрацию и насельников в страны Юга, как в XIX в., крупные государства сегодня приглашают к себе на учебу студентов из этих стран, которые, вернувшись домой, станут проводниками их политики и идеологии, а также управляющими их коммерческих предприятий», – пишет автор (с. 75).

На сегодняшний день на образовательном рынке безраздельно господствует небольшая группа стран, причем их состав практически неизменен на протяжении как минимум последнего десятилетия. Россия пока входит в их число, привлекая около 135 000 студентов-

иностранцев ежегодно и находясь по этому показателю на одном уровне с Канадой и Японией. Но некоторые характеристики учебной миграции в РФ свидетельствуют о шаткости такого положения. Э. Ле Брас построил два графа: один, с центром в США, свидетельствует о формировании общего образовательного пространства, куда входят восемь европейских университетских стран, а также Канада, Австралия и Новая Зеландия. Внутри этой группы, ядро которой составляют США, Великобритания, Австралия, Франция и Канада, идет интенсивный обмен студентами, причем связи между каждой парой государств двусторонние. Граф, в центре которого находится Россия, выглядит иначе. Входящие потоки студенческой миграции в РФ (в расчет, как и в предыдущем графе, принимаются пять наиболее многочисленных исходящих потоков из каждой страны) ограничены территорией бывшего СССР, за вычетом трех балтийских стран и Грузии, чья молодежь уже переориентировалась на Запад. Российские студенты, в свою очередь, если едут учиться за границу, то выбирают исключительно западные университеты. Практически отсутствует двусторонний студенческий обмен и между бывшими республиками СССР, хотя Казахстану удастся привлечь некоторую часть абитуриентов из среднеазиатских республик. Показательно, однако, что поток из Казахстана на Запад уже превосходит по масштабам поток в Россию, а мусульманские республики постепенно переориентируются на Саудовскую Аравию (Киргизстан и Таджикистан) и Турцию (Туркмения и Азербайджан). Из этих же государств растет учебная миграция и в западные страны (возможно, речь идет о «европейской» по культуре части их населения). Таким образом, притягательность России для студенчества падает, ей становится все труднее конкурировать с мировым доминированием английского языка и англо-саксонской системы образования (с. 56–61).

Существенно меняется картина и на африканском континенте. Учеба в бывших метрополиях – практически автоматический выбор прежних поколений – постепенно становится лишь одним из возможных вариантов. Все больше абитуриентов направляются в ЮАР, где есть несколько хороших университетов, в которых отныне, с приходом к власти Африканского национального конгресса, существуют расовые квоты для темнокожих студентов. Но особенно быстрыми темпами растет учебная миграция в Саудовскую Аравию (в 2000 г. туда уехали учиться 7 600 африканцев, а в 2014 г. – уже 72 000), причем многие изучают там теологию (с. 65–67). Таким образом, если раньше учеба за рубежом означала для африканских студентов приобщение к европейской культуре и светским ценностям, то теперь она все чаще удерживает их в лоне ислама.

Растущие потоки учебной миграции в Египет и ОАЭ из Индии, Индонезии, Малайзии, Шри Ланки, Пакистана, Таиланда, Бангладеш и

Филиппин также заставляют предположить, что речь идет в основном о студентах-мусульманах (с. 64).

Еще одним проявлением глобализации в сфере трансграничных миграций становится интернационализация профессиональных карьер, сопровождающаяся выстраиванием географической иерархии. Э. Ле Брас убедительно иллюстрирует этот тезис на примере миграции врачей, оговорившись, что аналогичную тенденцию можно проследить и на примере других профессий: миграционное сальдо между двумя странами всегда положительно в пользу страны, находящейся на более высокой ступеньке воображаемой лестницы, миграция между странами одного уровня либо отсутствует, либо имеет нулевое сальдо. На самой вершине предсказуемо находятся США, традиционно привлекающие высококлассных специалистов во всех сферах со всего мира, ступенькой ниже – Канада и Австралия, за ними – Швейцария и Новая Зеландия, следом Великобритания, Швеция и Ирландия, затем остальные европейские страны, причем в самом низу – бывшие страны соцлагеря и Греция, а также Турция (в анализ включены только государства, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития). Результатом такой вертикальной трансграничной мобильности становится усиление неравенства между странами и упрочение иерархии. Она же вносит большой вклад в «замещение населения» европейских стран, которым любят пугать крайне правые и, шире, консервативные силы. С 2008 г., пишет автор, во Франции наблюдаются две устойчивые тенденции: положительное миграционное сальдо иностранцев (около 145 000 ежегодно) и отрицательное – французов (около 107 000). При этом политики, озабоченные иммиграцией, как будто не замечают эмиграцию. Характерна принятая терминология: иммигранты (те, кто приехали, чтобы остаться в стране), с одной стороны, и эскпатрианты (те, кто уехали, чтобы вернуться) – с другой. Между тем количество живущих во Франции иностранцев (4 млн чел.) ненамного превосходит число живущих за границей французов (по оценкам, около 3 млн), часть которых, вероятно, никогда не вернется на родину. Эти наблюдения подводят автора к предложению заменить оба термина – эмиграция и иммиграция, которые не дают представления о меняющемся характере трансграничной мобильности, термином *циркуляция*, подчеркивающим одновременно незавершенность и разнонаправленность процесса: все большее количество стран становятся одновременно отдающими и принимающими население.

Рецензируемая книга вносит большой вклад в дискуссию по острой демографической проблеме современности или, вернее, дилемме: что противопоставить старению населения – миграционную или наталистскую политику? Сравнив демографические показатели двух стран – Франции и Германии – за последние 50 лет, автор демонстри-

рует удивительную синхронность колебаний показателей рождаемости (во Франции она неизменно выше), несмотря на диаметрально противоположный вектор natalistской политики: размеры семейных пособий во Франции неуклонно сокращаются, в Германии – растут, но на разницу в количестве рождений это никак не влияет. Что касается миграций, то в Германии они вносят значительно больший вклад в формирование населения. Страна приняла 12 млн человек в 1945 г., 4 млн в 1990–1995 гг., здесь же нашли убежище наибольшее в Европе количество беженцев в ходе югославского, а затем сирийского конфликтов. Сопоставив эти данные с экономическими показателями, Э. Ле Брас делает вывод о том, что одним из факторов благосостояния Германии являются низкая рождаемость и высокий уровень миграции: такое соотношение сокращает расходы на образование и здравоохранение, на поддержку семей с детьми и превращение последних в экономически активное население. Казалось бы, решение дилеммы найдено, и оно в пользу миграционной политики.

Однако серия статистических выкладок приводит автора к малоутешительному заключению: надежды на замещение стареющего населения ЕС трудоспособными мигрантами, в частности с другого берега Средиземного моря, иллюзорны. Не только потому, что такое замещение потребовало бы объемов миграции, на порядки превосходящих современные (до 2050 г. население ЕС пришлось бы удвоить, что означает 11 млн мигрантов ежегодно – политика, предложить которую не осмелится ни одна политическая партия, учитывая антимигрантские настроения избирателей), но и потому, что так называемого демографического окна, выходящего на юг, не существует. В результате низкой занятости женщин в странах Северной Африки нагрузка на экономически активное население здесь еще выше, чем в Европе.

С другой стороны, утверждает Э. Ле Брас, и в этом с ним трудно не согласиться, на современном этапе нет никаких экономических аргументов в пользу необходимости поддержания численности населения. Все расчеты, предрекающие катастрофический рост нагрузки на работающих и коллапс системы пенсионного обеспечения, исходят из того, что структура экономически активного населения во всем мире останется неизменной. Именно эта гипотеза, по мнению автора, нуждается в пересмотре. Прежде всего, он проводит различие между демографической категорией «активное население», основывающейся на формальных возрастных критериях, и экономической категорией того же наименования, включающей реально занятых в экономике людей. И доказывает с помощью цифр, что при сокращении доли людей «трудоспособного возраста» происходит даже небольшое увеличение доли работающих – прежде всего, за счет роста занятости женщин. Если эта тенденция сохранится, то к 2050 г. будет достигнуто полное гендерное

равенство в сфере занятости, что означает серьезную корректировку прогнозов, основанных на чисто демографических критериях. Таким образом, изначально сформулированная дилемма: миграционная или наталистская политика? — оказывается ложной, поскольку меры по стимулированию рождаемости доказывают свою неэффективность в долгосрочной перспективе, а потребный для поддержания оптимальной доли активного населения объем миграции нереалистичен. Остается искать решения в сфере политики труда и занятости. Помимо активного вовлечения женщин, это может быть увеличение продолжительности трудовой деятельности: поднятие пенсионного возраста и / или более ранний выход молодежи на рынок труда. Именно эти меры (а не запрет на аборт и пропаганда многодетности) могли бы стать альтернативой привлечению мигрантов, хотя, по понятным причинам, они не вызовут энтузиазма у трудящихся.

Между тем увеличению продолжительности трудовой деятельности есть более достойная и привлекательная альтернатива, пишет Э. Ле Брас: это повышение производительности труда, т.е. переход от экстенсивного к интенсивному развитию экономики. Однако в данном случае, как мне кажется, автор упускает из виду социальную составляющую проблемы: задача, по крайней мере, в развитых странах, состоит не в том, чтобы произвести больше товаров или даже услуг, а в том, чтобы поддерживать достойный уровень жизни как работающих (не повышая их отчисления в социальные фонды), так и завершивших трудовую деятельность (не понижая уровень их социального обеспечения).

В целом рецензируемый труд содержит богатейший фактический материал и предлагает нестандартные подходы к его анализу, применимые, в том числе, и к осмыслению демографических проблем в России. Так, решение российских властей об увеличении пенсионного возраста выглядит в данной перспективе как логичное продолжение антииммиграционизма. Неслучайно и то, что эта мера сильнее затрагивает женщин: по данным Росстата, именно в возрастных группах 55–59 и 60–72 года разница в долях занятых женщин и мужчин в нашей стране резко возрастает, а значит, именно эти возрастные когорты представляют собой ресурс повышения женской занятости. Внимательный читатель, соглашаясь или споря с автором, в любом случае найдет в книге французского демографа пищу для размышлений, а в этом — залог того, что она не пройдет незамеченной.

Примечания

¹ Характерно, что восприятие нашего века как «Века миграций» присутствует и в англоязычной литературе (имею в виду, в частности, выдержавший уже пять переизданий труд: Stephen Castles, Mark J. Miller & Giuseppe Ammendola (2005) *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, American Foreign Policy Interests).

² Той же закономерности в указанный период подчинялась, например, миграция испанцев и итальянцев в Алжир: чаще всего, пишут Г. Брюне и К. Катеб (2018), миграционные маршруты выстраивались между конкретными регионами: прибывшие оседали в ближайших к их родным странам департаментах Алжира, причем в большинстве своем оставались в прибрежной зоне, не продвигаясь вглубь страны.

Литература

Брюне Г., Катеб К. Рождение европейского населения в Алжире: миграции и брачное поведение в колониальном контексте XIX в. // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 134–145. URL: <https://doi.org/10.7868/S0869541518010104>

Vertovec S. Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*. 2007. № 30 (6). P. 1024–1054. DOI: 10.1080/01419870701599465

Е.И. Филиппова

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 20 июля 2018 г.

Filippova Elena I., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

TRANS-BORDER MIGRATIONS OF THE 21ST CENTURY: NEW REALITIES AND OLD CLICHES

Review of **Le Bras Hervé. *L'âge des migrations*. Paris : éditions Autrement, 2017. 151 p. ISBN 978-2-7467-4463-9**

* The review is written within the Russian Science Foundation (RNF) project no. 15-18-00099.

References

Brunet, G., and K. Kateb. Rozhdenie evropeiskogo naseleniia v Alzhire: migratsii i brachnoe povedenie v kolonial'nom kontekste XIX v. [The Birth of European Population in Algeria: Migrations and Marriage Behavior in the Colonial Context of the 19th Century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 1, pp. 134-145. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010104>

Vertovec S. Super-diversity and its implications, *Ethnic and Racial Studies*, 2007, no. 30 (6), pp. 1024-1054, DOI: 10.1080/01419870701599465